

*Миясат МУСЛИМОВА,
поэт, профессор филологии,
лауреат литературных премий
(г. Махачкала, Дагестан)*

«НЕ СТИХАЕТ ЛЮБОВЬ...»

По всем законам физики инерция запущенного шквала грозит разрушить гармонию стихотворения, тем более, что пути его извилисты и непредсказуемы. Между их зарождением и исполнением зазор так минимален, что становится ясно: архитектурный замысел и строительный гений равновелики и каждый раз словно вступают в состязание за право первичности и блеска воплощения. Движение речевого потока в пределах одной единицы существования бросает вызов своему создателю, оставляя ему лишь на доли секунды право по-родительски радоваться росту своего нового детища, чтобы мгновение спустя признать его равенство себе и благословлять превосходство. Читательские опасения «сбоя» в выражах такой красоты и мощи, напрасны: какой-то высшей силой эта траектория полета в поэзии Сергея Шелкового оказывается управляемой: и ни сбоя, ни задыхающегося ритма, ни малейшего ослабления мускульной силы («План вызрел в солнечных осях», «Когда мне землекопы в лоб твердят»...)

Какое широкое поэтическое дыхание! Никакие повороты мысли и их отражения в синтаксисе не убавляют ни скорости, ни силы, ни легкости движения навстречу неизведанному. При этом потрясающая оптика, в котором малое столь же зримо и вещественно, как великое, а чуткий слух настолько всеобъемлющ и верен замыслу и смыслу, что преодолевает смертность («... этот процесс внутреннего перманентного бунта и прихода к смирению всё еще, — своей собственной априорной заданностью — движется и не теряет дыхания. И завихряясь, не стихая — в стихи, в стихи перетекает — С. Ш.»). Творящий мир в стихах — либо зодчий, уверенной рукой воссоздающий явь и плоть мира, осязаемость его линий и конструкций, измеряющий с математической и нерасчитанной точностью зазор между воздухом и твердью на его пути, либо живописец, прихотливость и выразительность красок

которого заставляют зыбко струиться марево воздушных течений или ищут и формируют плотность звучания мира.

* * *

Слово сказанное ограничивает, а несказанное боится неполноты. Избыточное — умаляет, недосказанное — обделяет. И единицы владеют искусством в пределах малых слов отразить настоящее на бездонном. Ошеломляющее богатство образов и метафор Сергея Шелкового не отбирается руками старателя, оно существует естественно и органично в поэтическом мировидении. Не то что всё его творчество в целом, но даже отдельные стихи — кладовая поэзии, мысли, где проверяет свою силу кровеносная система языка («И нагл, и простодушен Вавилон»).

Стихи поэта требуют встречных усилий, это интеллектуальная поэзия, требующая вдумчивого чтения, перечитывания — не для того, чтобы убедиться, что ты решил сложную задачу, а потому что не отпускают строки, разветвлённость которых раскрывает иные измерения. Интеллектуальность — это порой и Ахиллесова пята для многих, она нередко обезвоживает душу, не оставляя места пространству стиха, вытесняя возможность ответить встречным потоком жажды и утолённости. Но насыщенность образов, реминисценций, обращённость ко множеству исторических имен, культурных ассоциаций тем не менее не препятствует ясности звучания.

Личное существование, как свидетельствует поэзия С. Шелкового, может управлять временем, либо отношения со временем задают пределы личного существования. Время то останавливается, то расширяет мгновение до вечности, то стягивает его протяжённость до секунды. И скорость его протекания, и направленность его движения взрывают все привычные представления, ибо то, что называется внутренним миром, субъективностью — это сам мир в свободе выбора пути и времени.

Психологи выделяют время астрономическое и содержательное, мерой которого являются наши мысли и действия. Есть время психологическое, в котором присутствует человек со своим прошлым, настоящим и будущим. В их гармонии и дисгармонии рождается путь человека, Путь, рождающийся и умением выйти за пределы времени, найти свою горизонталь по вертикали. И есть время духовное, доминантой которого являются представления человека о вечности, о смысле. О ценностях. Духовный возраст

поэта Сергея Шелкового уже стал нашим общим достоянием, фактом и явлением культуры, а биографический — пусть длится и длится во имя той гармонии, которая открывается избранным, но радует всех («А кому посвящается каждый мой слог, я не выдам секрет — ни ползвук, ни жеста... Под сосновым дыханьем, вокруг пирога, соберемся за скатертью, вышитой гладью. Не стихает любовь — вот и вся недолга...»)

У Сергея Шелкового свои отношения со временем, поэтому оно превращает в дивные картины, позолоченные своим отсветом, всё то, чего коснётся раздумчивое и искусное перо поэта. Наверное, самая совершенная гармония — та, которая рождена мучительностью поиска и размышлений. Ощутить её в себе, удержать — это значит открывать другим радость. Глухие или укрощенные отзвуки драмы нередко звучат в стихах поэта, но никогда не довлеют в стихотворении, потому что бережность отношения к миру и человеку, тепло отцовства, та самая «лелеющая душу гуманность» — неотъемлемое свойство поэзии Сергея Шелкового («Когда мне землекопы в лоб твердят, что я — всего лишь бык, а не Юпитер, я отвожу непримиримо взгляд и мну в ладони соль и зёрна литер. И слышу шорох, волхованье букв, Египет слышу, пиктограммы детство, и глинописных глин звенящий лук — тугих волов и львиных лап наследство; Он курит у окна, и у стены я Молчу о том, что мытари земные Пришли за нами. И ломают двери...»)

Невозможно привыкнуть к жизни, невозможно не удивляться природе, её уму, искусству и нежности. И потому к миру этому нет упрёка, нет притязания. Есть невозможность хотя бы на миг забыть о чуде пребывания в нём и возможности объять всю бесконечность времени и пространства. И потому так густо и тепло струится жизнь в строках поэта, знающего доподлинно: не жизнь в поисках свободы, а свобода в поисках жизни («Вечера Купалы»).

Поэзия требует не только дара чувствования, мысли и слова. Она требует мужества. И это личностное мужество, это внутреннее воинство: то разинско-пугачёвское, то библейско-мандельштамовское — в силе или от силы самостояния, от верности своим глубинным ценностям, неотступности от них. («А на круче, излуке реки, срубы брызжут расколотым светом. То из шуб пугачи-мужики — и бревенчатые, и высоки, — острозубым сверкают приветом»). Переживание мира и себя идёт глубинно в бунте и усмирении себя, и процесс этот длится и не теряет своего дыхания («Помилуй, Отче, нас, душой не бесталанных, смягчи еще гортань и не гаси зрачок. Прости мне хрипоту и почерка изъяны. —

Покаясь, повинясь, я снова тихо рад истоку своему — от их ночного клана, от пьющих синеву таврических цикад. Когда погашен свет, столь властен пьяный воздух, что хочется отдать слова и письмена за камертонный звук, за первозданный роздых, за семь ночных глотков летучего вина...»))

Богатство, гибкость, лёгкость, искусность языка и звукопись, доведенная до совершенства — отличительные черты стилистики Сергея Шелкового. Ритмика — с первого звука задающая нерв, говорящая то чеканным воинством строк, грозowymi всполохами («Время выпито. Крыса Тиберий сладострастным удушен платком. В полумёртвые очи империй ветер севера хлещет песком...»), то несказанной печалью («...эта песня была ни о ком. Отчего же в ней нежности столько, что и Богу, и беженцу-волку утирает слезу языком»), то напевной любовью памяти («И часто парюу щеглы цветник у дома навещали, где плавно лилии качали цветки под веткой мушмулы...»), то эхом греческих наречий («...В стае щенячьей дышал я теплом, одноклассники, но холодила мне яблоки глаз неизбежность побега каждое утро — водой из-под крана латунного, родственно-грубым, на грамм справедливым, упрёком, неким предчувствием отклика струнного, рунного, каждое утро — под пристальным Пастырским оком...»). Дионисийская речь, упоительно богатая звуковой инструментровкой («На кон поставить счастье априори Звук русский, италийский перебор, Возлюбленное вплоть до Трои море, Вольнотекущей сини соль минор...»). Примером смысловой звукописи может быть любая строка, это особенность всех стихов поэта. «Говорил и опять повторяю: нет опасней того ремесла, где вдоль каждого звука, по краю, данность зла и добра пролегла. Чтоб за юную прыть и за старость отвечать и посмертно сполна, помни ветер любви! Помни парус, проникающий сквозь времена...»

Счастливо состоявшийся мощный поэтический голос, но сколь же силен его природный дар, что даже и в этой полноте выражения остаётся впечатление неисчерпаемости. При всей яркости и сочности метафорического ряда есть ощущение сдерживания собственной силы. Может, такому впечатлению виной скромность лирического «я», как бы уходящего в тень перед великолепием разворачиваемых им картин, их духом и смыслом, но есть некие знаки в стихах, дающие ощущение не только явленного, но и скрытого богатства. Они являют и неисчерпаемость поэтического Кастальского ключа, и всеисилие свободного поэтического голоса. Кажется, есть ещё и особая потаённая сила в стихах поэта,

которая пока не призвана, но в любую минуту готова ответить с должной мерой на зовы взыскующего времени.

Охват исторического времени и географического пространства у С. Шелкового — необыкновенный. Человек мира и в то же время певец своей малой родины, автор щемящих лирических стихов, поэт умеет выразить движение не только на этапе замысла и кристаллизации образа, но и на этапе предыстории его сгущения и рождения («И пагубным огнём, зрачком Ахматовой»). Я не знаю, что недоступно явлению Поэта Сергея Шелкового в истории словесности Украины и России, но точно знаю, что масштаб и диапазон его поэтического голоса объединяют всех и делают честь культуре как таковой. А тот факт, что высокая, подлинная поэзия принадлежит перу автора научных трудов в области прикладной математики, механики, физики вольно или невольно рождает образ эллински гармонической личности.

Иногда думаешь: такое множество самых разных стихотворений, нередко исполненных сдержанного драматизма, достигающих высокой ноты трагического звучания, но почему они всё равно оставляет ощущение солнцелюбья? Наверное, потому что ничто не покоряет с такой широтой принятия как верность «лепящей душу гуманности» в каждом произведении автора, нежность силы. Силы, умеющей заглянуть в самую глубину (а она редко бывает гармонической), подняться до больших высот (а там всё меньше тепла), и всё-таки сохранить тепло и ясность взгляда, отношения, смысла. Бережность к другому или огромная сила любви и принятия жизни, восхищения творением Творца никогда не изменяют любящему, доверяющему, глубоко лиричному голосу автора («О, как по имени кликнуть мне хочется тень, Что качнула вишнёвую рощицу, Плач затаив...», «Знаю всё, но у ветра прошу, у гневливца прошу невпопад: «Не умом, но лишь сердцем грешу — не вини, не казни моих чад...»)

Богатство образов, неисчерпаемость, широта объятия мира открываются через знакомство не только со всей лирикой поэта. Даже одно стихотворение удивительным образом уже воплощает в себе эти характеристики. И в каждом стихотворении текст выступает как единство живого, ибо соединение разъятости мира — более сущностная характеристика творчества поэта, нежели самоценность красоты и смысла в ответвлённости каждой поэтической строки, в каждом отдельном стихотворении. Но иногда, читая поэта, не хочется следить за целым: каждая строка дарует

такое наслаждение, что замедляет чтение, возвращая к самоценности всего, что существует в этом мире.

«Как я полагаю, я сочиняю исключительно про одну вещь. Я сочиняю время и про то, что оно делает с человеком», — писал И. Бродский. Уход в историческое время в лирике Сергея Шелкового — это и возвращение хотя бы в силу направленности взгляда художника из настоящего. Но что значит этот уход — поиск ли, утешение, объяснение? Неблагодарное дело — пытаться исчерпать неисчерпаемое, но безусловно одно: странствия лирического голоса в лабиринтах и дворцах времени — это не столько одинокий голос человека, сколько органное воплощение его силы, не столько поиск, сколько подтверждение неисчезновения смыслов. Есть голоса, через которые время старается понять само себя. И даже говоря о малом, этот голос обречён говорить о большом. Но разве есть в человеческом мире большее, чем Дитя? «Две мои страсти сращены в одну: зов женщины, чьё имя — детский гомон. И лепет фолианта, где в плену у тела гнома — небожитель Гофман...»

В движении времён и в их хитросплетениях всегда есть место человеческой высоте и низости. В этом смысле время неизменно. «И дар высотных слов есть то, что нужно пространству мерзлоты, где гибнут птицы, где время признаёт великодушно, что жизнь — не поле с «veni, vidi, vici». За призрачностью ухода тридцать третьего года зловец маячит тридцать седьмой, и каждое из чисел прошлого может стать тенью грядущего. Сбывшееся и несбывшееся — всё зримо являет свои контуры там, где история проверяется поэтом: «...Уйми слезу, Яськов, под добрыми очками и облаку махры вослед в стихе вздохни, как ранены глаза щепой на пираме и в эти, — ну, ничуть не радостнее, — дни. Не верю я словам, но сердцем чую голос, который свыше дан, не предан, не пропит. Ядреная зима! — Скрипит морозный полоз. Сдирает стужа скальп и плакать не велит».

Право вопрошать и отвечать — право каждого, но только у Поэта всеобщность права и долга находит воплощение в строках, которыми можно говорить с высшим: «Небом правишь ли, кривда земная? Средь степи, в людоедском году, смотрит слепо Мария не мая. Поднимаю дитя, поднимаю — И по веку, глухому, иду...»

Не стихает Любовь...

2012 г.